

для публикации в «Российской вивлиофике» Новикова⁷. Считается, что никакие из произведений Карманова при жизни его не были напечатаны. Однако Колосов сообщает, что в 1769 г. в Москве было напечатано «Доказательство бессмертия души», а Владиславлев уверяет, что «Письмо поздравительное Гавриилу по случаю возведения его в сан архиепископа», написанное Кармановым от имени Тверской семинарии, было опубликовано в Петербурге; справочниками такие издания не зафиксированы.

Прижизненные отклики на литературную деятельность Карманова неизвестны. Однако признание за ним современниками определенных заслуг и достоинств несомненно. Оно подтверждается избранием Карманова в члены-корреспонденты первого литературно-филологического общества при Московском университете, Вольного Российского собрания, которое состоялось не позднее октября 1777 г. Почти невозможно предположить, что не вызвало пересудов (хотя бы среди московского духовенства) и проповедническая деятельность не имевшего сана посадского-самоучки.

В «Разговоре» обыгрываются обе стороны биографии Карманова. Канцелярист, потом нотариус, он одновременно имеет в определенном кругу репутацию знатока философии, богословствует и выступает с учительными сочинениями. Отсюда идет уподобление Ирсинкуса «крысе, вскарабкавшейся на судейский и философский стол». В лице Карманова Сумароков встретил постоянный объект своих сатирических нападков — в прямом смысле подьячего, между делом задумавшего стать писателем. Ничем другим нельзя объяснить ни резкость нападков на малоизвестного сочинителя и на книгу, в которой «нет ни складу ни ладу», ни грубость выражений, заставившую Новикова заменить их в одном месте отточиями: «Я ее <книгу> в некотором доме нашел в отхожем месте». Никаких личных намеков, способных вызвать гнев Сумарокова, «Разговоры в Тверской семинарии» не содержали. В оценках возобладали общелитературные соображения. Тема подьячего-писателя потянула за собой круг привычных ассоциаций и отработанных формул, отдаваясь от памфлетности и приобретая более общий характер. Замечания о «прибытке» и «почестях» Ирсинкуса повторяют мотивы «Цидулки к детям покойного профессора Крашенинникова» и эпиграммы «Танцовщик ты богат, профессор ты убог». Жалобы на общее презрение к истинным достоинствам повторяются и в письмах Сумарокова последних лет: «... ныне совсем беден, ничего на свете не нажив, кро-

---

⁷ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 308.